

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины, профессор кафедры теории и истории социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

**Ретроспективное познание в социологии:
некоторые гносеологические и
методологические проблемы**

Abstract

The article examines the gnoseological features of retrospective cognition, as well as its general principles. There are analyzed such problems as the correlation of retro-reflection contexts, the application of reconstruction method, and the doctrine of the history "re-comprehension". On the basis of general sociological approach, the author analyses the complex and specific character of the historical cognition as the special way of retrospection. The channels of sociological control over this process are substantiated in order to avoid any application of historians' erroneous conclusions and intentional ideological distortions within sociological researches. The interpretation of F.Znaniiecki's "humanistic coefficient" as an index of the relation between value levels of the past and the present, or as an imitational relation of the present to the past, is also set forth in the article.

**Общая гносеологическая характеристика
ретроспективного познания**

Социология — наука, которая осуществляет чрезвычайно сложный и противоречивый познавательный процесс, нацеленный на изучение прошлого, настоящего и будущего. Правда, наибольшую часть своих исследовательских усилий она направляет на познание настоящего и современного, то есть обладающей наличным бытием социальной реальности, поскольку

постоянно существует потребность общества в информации о текущих событиях и процессах. Но важно и другое: реальность, составляющая настоящее, не требует доказательств ее фактичности, подтверждаемой опытом, и это облегчает процесс познания реальности. По крайней мере исследователь, за исключением редких случаев, не нуждается в специальном поиске данной реальности.

Познание же прошлого или будущего означает изучение реальности, которой в наличии нет. В первом случае уже нет, во втором — еще нет. Разумеется, искать такую несуществующую реальность не имеет смысла, найти ее нельзя, поэтому неизбежен вопрос: возможно ли изучение того, чего нет, что не обладает фактичностью? Ответу: невозможно. Оно на самом деле и не изучается. Изучается нечто другое под видом исчезнувшей либо еще не родившейся реальности.

Однако здравому рассудку современного исследователя с этим трудно согласиться, ведь тогда следовало бы отбросить, например, такую авторитетную науку, как история, которая, как утверждается, изучает прошлое общества, то есть утратившую свое наличное бытие реальность, и непоколебимо верит в то, что познает его. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с эпистемологическим мифом, зацикленным на оптимистическом представлении о том, что социальную реальность прошлого, настоящего и будущего возможно исследовать, а потому и познавать. Это представление по меньшей мере мешает видеть гносеологические парадоксы и тупики в социологии, в частности те моменты, когда в ней исследовательский и познавательный интересы автоматически не совпадают. Отсюда в социологии исследовать не всегда означает познавать, как и наоборот: познавать — не обязательно значит исследовать. К примеру, ретроспективное социологическое познание не является исследованием. И это понятно: с его объектом невозможно установить исследовательский контакт (применить к нему эмпирический метод). Если в прошлом реальность когда-то и существовала, то она исчезла, и к ней уже ни с каким методом не подойдешь. По этой же причине нельзя исследовать и реальность будущего, которая еще не сложилась, следовательно, в системе действительности не появилась как ее элемент.

Несовпадение двух указанных интересов есть, конечно же, трудный случай для разбора всех тонкостей и нюансов процесса познания в социологии, но он, как представляется, не опровергает общего постулата о тождестве исследования и познания в системе научного освоения мира. Постулат не оспаривается. Исследование считается актом познания. Именно так трактуется оно и в логике социологического исследования, опирающейся на логику научного исследования (см.: [Логика, 1987: с. 7]). И все же для социологии вопрос о нестыковке исследовательского и познавательного интересов, исследования и познания есть вопрос первостепенной важности, поскольку он индуцирует другой не менее важный вопрос: как возможно социологическое познание, если социальную реальность ни прошлого, ни будущего (ни, добавлю, настоящего) непосредственно исследовать нельзя? Этого социологу просто не дано. В то же время существует исследовательская практика социологии, которая, имея дело с прошлым и будущим, проникает в другие социальные миры, наличествующие за пределами ее сегодняшнего дня. Эта практика подсказывает двойственную, содержащую альтернативу, догадку: либо реальность прошлого и будущего существует в такой особой

форме, что ее можно познавать, либо само познание обретает такую особую форму, что его можно осуществлять по отношению к прошлому и будущему.

Да, в познании имеют место и то, и другое, потому что и прошлое и будущее — это виртуальные миры, придуманные людьми и воспринимаемые ими как фактичность, но тем не менее не тождественные соответственно ни реальности прошлого, ни реальности будущего. Такие миры существуют в сознании людей прежде всего благодаря жизненному опыту, в том смысле, что каждый человек несет в себе свое прошлое и зачатки своего будущего, что существует память о прошлом и уверенность в пришествии будущего, что отсчет времени традиционно связан с его так называемой “стрелой” (направленной из прошлого через настоящее в будущее) и т.д. Их (миры) можно познавать, хотя бы опосредованно, окольными путями, не затрагивая самой реальности — ни прошлой, ни будущей. И это означает, что такого рода познание тоже виртуально, как и сами миры.

Короче говоря, термины “прошлое” и “будущее” не тождественны терминам “реальность прошлого” (“минувшая реальность”) и “реальность будущего” (“грядущая реальность”). И чтобы не блуждать в лабиринтах парадоксов несовпадения и несоответствия в познавательном процессе социологии, подчеркну еще раз: то, чего нет, не исследуется и не познается — ни прямо, ни опосредованно. Прошлое как особый виртуальный мир существует, поэтому в таком качестве оно познается, но реальности прошлого нет, поэтому она и не познается. И если та же историческая наука, как ей представляется, изучает прошлое, то следует внимательно присмотреться по крайней мере к двум аспектам ее исследовательско-познавательного процесса: 1) действительно ли история изучает исчезнувшую реальность под названием “прошлое” или же ее некую подставку, подмену, называемую прошлым; 2) способна ли история исследовать минувшую реальность и исследует ли ее, или, другими словами, совпадают ли в ее исполнении исследовательский и познавательный интересы, исследование и познание.

Эти вопросы касаются и социологии, ретроспективное познание которой покоится в общем на тех же самых гносеологических основаниях, что и историческое познание, хотя, правда, имеются и некоторые отличия в способах его реализации. Социология осуществляет ретроспективное познание тремя способами. Первый способ — через фокус видения социального прошлого другими науками, и в частности, такой важной дисциплины, как социальная история, предоставляющая социологии чрезвычайно богатый материал о социальной реальности прошлых времен и эпох. Следует заметить, что социология унаследовала философскую способность рассматривать мир сквозь призму выводов многих наук, подчас даже заимствуя некоторые из них.

Еще Г.Зиммель заметил подобную способность социологии, когда отмечал, что она просматривает свой предмет через предметы соседних дисциплин. По его мнению, это стало возможным вследствие исторического опоздания социологии к разбору науками объекта познания. Социология опоздала по причине относительно позднего своего возникновения, объект разобрали на “части”, ей ничего не досталось, поэтому социология смогла отличиться от других социальных наук не предметом, а точкой зрения. Зиммель так и писал о социологии: “Она принадлежит к тому типу наук, специальный характер которых состоит не в том, что их предмет вместе с другими

подходит под одно высшее, общее понятие (как классическая филология и германистика, оптика и акустика), а в том, что они ставят всю совокупность предметов под особый угол зрения. Не объект, а точка зрения, особенная, совершенная ею абстракция дифференцирует ее от остальных историко-социальных наук” [Зиммель, 1996: с. 422].

Сегодня, когда предметы социальных наук очень тесно переплелись между собой, социология в попытках построения новых объяснительных моделей расширяет возможности своего видения реальности через предметы и выводы этих наук, например, за счет социальной философии, психологии, эпистемологии, синергетики [Бевзенко, 2002], антропологии (антропологический подход [Танатова, 2004]) и др.

Второй способ реализации социологией ретроспективного познания — это изучение собственного прошлого, своей истории в качестве науки, а также истории социальных и социологических идей, теорий, учений, в которых запечатлелись те или иные характеристики социального прошлого. История социологии как особая отраслевая часть социологической науки воскрешает в ее самосознании память о так называемой двойкой реальности минувшего: теоретической (тогдашние идеи, теории, концепции, учения и т.д.) и натуральной, хотя и исчезнувшей, но созданной когда-то взаимодействием человеческих индивидов и их групп и маркированной интеллектуально-теоретическими произведениями социального разума. Опорными на этом пути познания прошлого выступают категории “история”, “прошлое”, “современность”, “настоящее”, “историческая реальность”, “историческая фактичность”, “теоретическая реальность”, “социальная реальность” и др., интерпретация которых есть по сути онаучивание содержания того познающего мышления, которое было присуще творческим фигурам пройденных социологией этапов. Понятно, что без проникновения социолога-историка в теоретическую реальность прошлого, а это, замечу, — всегда проблемное дело, так как оно основано на понимании закодированного в текстах давно угасшего, ушедшего в небытие разума (мыслить в точности так, как мыслили, например, Гегель, Маркс, Вебер или Сорокин, невозможно), данный способ ретроспективного познания не может быть осуществлен.

Третий путь реализации социологического ретроспективного познания предполагает использование методов, обеспечивающих сбор и интерпретацию информации о прошлой социальной реальности (анализ документов, биографический метод, метод социального портрета, мемуарный метод). Продукты интерпретации создают почву для применения метода тематических реконструкций прошлого. Следует заметить, что, как и две предыдущих разновидности, данный тип социологического ретроспективного познания отягощен сложными гносеологическими, методологическими и логико-историческими проблемами.

Однако что же такое ретроспективное познание, и какова его гносеологическая природа?

Ретроспективное познание — это процесс изучения прошлого во всех установленных формах и проявлениях его бывшей реальности как фактичности. Следовательно, оно обращено “назад”, в историю и обеспечивает человеку знание о том, что вероятнее всего было как факт. Реальность прошлого, не представленная как факт (фактичность), не познается. Наверное, ретроспективное познание общества может осуществлять любая социальная наука

(или большинство наук этой группы), но, разумеется, каждая со своей позиции, исходя из своего интереса, а также в пределах своего предмета и собственных инструментальных возможностей. Вследствие этого ретроспективное познание дифференцируется и видоизменяется, но гносеологическая природа его все та же: изучается напрямую подставка реальности прошлого, а не сама эта исчезнувшая реальность. Для этого подставку создает (конструирует) исследователь, опираясь на источники фактичности (документы, свидетельства и т.п.). Такая сложная познавательная ситуация, когда на основе модели-подставки, которую невозможно проверить реальностью (которая исчезла), изучается как бы сама эта реальность, требует осознания и разбора по таким линиям, как: субъект — объект ретроспективного познания, реальность — фактичность, прошлое — настоящее, прошлое — современное, прошлое — история, исторический — гносеологический интересы и т.д.

В приведенном определении ретроспективного познания указано, что прошлое изучается как установленная фактичность, а не как бытие реальности, которая должна была бы его составлять. И это правильно, ведь прошлая реальность исчезла и с нею не установишь никакого познавательного отношения, — она не может ни быть, ни стать объектом познания. В таком случае важны фактические свидетельства об исчезнувшей реальности, обозначаемые категорией “фактичность”. Дело в том, что уходящая в небытие реальность не исчезает полностью и абсолютно, она оставляет какие-то “следы”, “сигналы”, “знаки”, то есть свидетельства о себе. Они-то и указывают на ее фактичность, но бывшую. Это уточнение (“бывшая”) предупреждает любую попытку отождествить бытие прошлой реальности и ее фактичность, что не одно и то же.

Бытие прошлой реальности — это ее онтологическое наличие, нечто существующее, как сказал бы Аристотель, по меркам “собственного закона”, в рамках определенного времени, совместно со своими продуцентами и прекратившее свое существование вместе с этими же продуцентами. Конечно, знать о ней ничего нельзя без какого-либо указателя, знака, сигнала о том, что она когда-то, по-старинному говоря, “имела место быть”. Свидетельства вызволяют определенные стороны, характеристики исчезнувшей реальности из небытия, представляя их как бывший факт, модифицированный самим же знаком, сигналом, указателем. Вот с этим модифицированным фактом, зафиксированным в источниках, имеет дело исследователь, мысля его именно как исторический факт и превращая его в объект познания.

К примеру, историк, расследуя жизнь и деятельность гетмана Ивана Мазепы, перешедшего со своим небольшим войском на сторону шведского короля Карла XII и выступившего против Петра I, чем предал, по сути, и русских, и большинство украинцев, не пошедших за гетманом, изучает именно модифицированного, подставленного источниками, свидетельствами, а затем и самим историком давнего деятеля, то есть зафиксированного его идеального двойника. Это — образ Мазепы, отражающий подмеченные свидетелями черты его личности, внешнего облика, жизни и деятельности и не отражающий те стороны его жизнедеятельности, которые не оставили “следов”. Но этого, естественно, не берут во внимание. Наоборот, образ объективируют и натурализируют, отождествляют его с Иваном Мазепой как живым функционером, а самого Мазепу представляют не как усеченную источниковую фактичность, а как целостную живую натуру. Но это иллюзия.

Нет перед глазами историка ни Мазепы, ни Карла XII, ни Петра I, и воскресить их, чтобы, скажем, сделать объектами исследования в натуре, невозможно. Исчезла и вся “завязанная” на них такого же рода натуральная реальность, которая уже ни при каких обстоятельствах (еще раз замечу) не может стать объектом познания. Остался только виртуальный объект (образ Мазепы, “идеальный тип”), скомбинированный исследователем на основе обнаруженной в источниках тематической фактичности.

Объектами подобного рода и занята общественная история. Но на самом деле каждый из них разделен на три части: то, что поддается исследованию (источники с представленной в них бывшей фактичностью, которую исследователь тематически может видеть по-разному); то, что исследованию не подлежит (исчезнувшая реальность); то, что сочиняет историк (описание, характеристика, оценка исторических фактов — событий, действий, отношений, реакций и т.п.). Это — виртуальная, теоретическая реальность, вторично (после источников) представляющая реальность исчезнувшую, но на этот раз сработанная самим историком. Она не исчезает, а переходит путем усвоения, в том числе и критического, от одного поколения ученых (и не только ученых) к другому. И при этом может быть уточнена, исправлена, обогащена по ходу изучения новых источников, открывающих неизвестные ранее границы бывшей фактичности.

Социология, разбираясь в этих лабиринтах исторического познания, должна вносить определенные коррективы в процесс адаптации его продуктов к своим целям. Доминирующим должен быть ее критический взгляд на них, проверяющий идеологию и методологию истории, в свете которых подвергается трансформациям исторический объект. В общем он трансформируется не единожды, но сначала в источниках, которые фиксируют бывшую фактичность избирательно, преднамеренно тенденциозно или случайно. Следовательно, исторический объект выступает сначала как результат источникового фиксирования. Он есть таков, каким обозначен. Далее его трансформирует исследователь источников, превращающий с помощью своего воображения фиксированные характеристики в образ объекта. Здесь может сказаться идеологическая, методологическая, социокультурная позиция ученого. Наконец, не может не повлиять на метаморфозы ретроспективного объекта тематизация исследования, требующая представлять его в узком ключе разрабатываемой темы, игнорируя характеристики объекта, не вкладывающиеся в данную тематику.

На этом моменте трансформация объекта ретрорефлексии может не закончиться. Речь о том, что на историческое познание всегда оказывают влияние, а то и прямое давление идеология и политика, вследствие чего его продукт идеологизируется и политизируется. В таком виде он распространяется в обществе теми или иными противоборствующими социальными группами, интерпретирующими его в своих интересах.

Таким образом, по причине трансформации и различных метаморфоз один и тот же объект ретроспективного познания может быть очень разным, поэтому само это познание содержит в себе не разрешимую до конца эпистемологическую проблему проверки его на истинность. Исчезнувшей реальностью его не проверишь. Раз последняя исчезла, то в сфере этого познания понимание истины как знания, адекватного реальности, не имеет смысла. Критерий истинности добываемого тут знания — отнесение его к фактич-

ности, выраженной источниками, но сами источники должны сопоставляться с другими источниками, дополняться и проверяться ими. Выходит, процесс установления ретроспективной истины бесконечный, но социология в своих познавательных интересах все равно должна контролировать историю другой писанной историей. Только в этом случае она будет гарантирована от повторения ошибок и передержек, допускаемых историками.

Известный советский исследователь исторического познания А.Ракитов установил, что оно осуществляется на основе исторического интереса и сознания; имеет очень сложную собственную структуру и структуру факта; ущербно без специального логического механизма, гарантирующего правильность переноса информации о прошлом на настоящее и будущее; предполагает обязательную концептуализацию; не должно проводиться с нарушением технологии, методики и техники исследования и т.д. [Ракитов, 1982]. К числу сложных методолого-гносеологических проблем исторического и, в целом, ретроспективного познания относятся проблема связи контекстов ретроспекции и проблема метода реконструкции.

Контексты ретрорефлексии и метод реконструкции

Что делать с прошлым? Так ставят вопрос политико-идеологическая конъюнктура современной “оранжевой” власти в Украине и обслуживающая ее группа историков. И отвечают: прошлое необходимо судить, особенно то, которое не устраивает. И что же? Власть и историки судят прошлое, порой жестко и безрассудно, а некоторых деятелей прошлого даже наказывают вычеркиванием из прошлого, снятием с пьедесталов, обречением на забвение. При этом считают, что по отношению к прошлому имеют право выступать одновременно его судьями и прокурорами, ведь чтобы судить минувшее, необходимо в чем-то его прежде всего обвинить. Разумеется, обвинители находятся, причем они обвиняют прошлое, как правило, в том, что оно не такое, как им хотелось бы. Поэтому обвинители убеждены в необходимости приспособления прошлого к настоящему. Но для этого нужна тщательная его селекция, “прополка”, которая позволила бы разделить историю на две части — приемлемую и неприемлемую, “хорошую” и “плохую”. Разумеется, в каморке современного “оранжевого” Плюшкина-старьевщика должна находиться, по мнению идеологов и политиков этого толка, только признанная ими старая рухлядь. Отсюда — долой непризнанное и неприемлемое! Поэтому переименовывай улицы, сноси памятники, разрушай символику, очищай библиотеки от “тоталитарной” литературы.

Известный украинский историк Станислав Кульчицкий кое-что уточняет в этом “прополочном” подходе к истории. Он считает, что с прошлым ничего делать не нужно, поскольку прошлое — это “то, что случилось и что изменить уже нельзя”. А вот история — другое дело. Она “есть взгляд на прошлое, который может быть разным, в зависимости от многих факторов: политических предпочтений, возраста, образования и т.п.” [Кульчицкий, 2009]. В чем специфика этой гносеолого-методологической позиции? В том, что она игнорирует онтологию истории, наличие в ней объективного содержания (“тела”), связанного с деятельностью людей и ее результатами. “История, — подчеркивал К.Маркс, — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека” [Маркс, Энгельс, т. 2: с. 102]. В таком ракурсе история предстает как от-

части ставшая, отчасти продолжающая свое становление и развитие общественная реальность. Она — не в голове историка, а за ее пределами, причем включает в себе и прошлое и настоящее [Боряз, 1988: с. 11–13].

Если же история — это только взгляд на прошлое, который изменчив, как погода, то, понятно, история предстает как творение автора взгляда. Ясно, тогда и “прополку” истории легко проводить путем ее нового переписывания, переосмысления, переделывания, что Кульчицкий и делает. Он даже отмечает, что переосмысление истории происходит в Украине более быстрыми темпами, чем в России, и это, по его мнению, является разъединительным звеном в украинско-российских отношениях. Дело зашло так далеко, что украинских и российских историков не сближают даже совместные научные конференции (каждый остается при своем мнении), что они сами же и отмечают. Тем не менее, история фальсифицируется, причем настолько безнравственно и политически опасно, что власти в некоторых странах начинают искать защиту от нее. Так, в РФ учреждена “Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России”, которую историки-фальсификаторы сразу же приняли в штыки [Чубайс, 2009].

Тем не менее С.Кульчицкий ратует за внедрение в историю сближающей научной методологии, опирающейся на теоретические подходы крупных историков, например масштаба Тойнби. Это, считает он, обеспечит историкам Украины и России достижение определенного общего знаменателя в оценках тех или иных исторических событий.

Если бы так случилось, то, возможно, многие проблемы в отношениях между историками двух стран отпали бы сами собой. Увы, вряд ли можно надеяться на это в ближайшее время, потому что определенная группа влиятельных украинских историков уже далеко продвинулась, проталкивая в историческую науку субъективно-волонтаристскую методологическую доктрину. В пикку российским историкам они противопоставляют слишком заполитизированные и заидеологизированные исторические версии, особенно по части голодоморов, ОУН-УПА, Полтавской битвы, отношений с поляками и со шведами, так что никакой Тойнби или другой масштабный историк прошлого не поможет им сблизиться с российскими коллегами. Нужно разрабатывать совместную методологию истории и строить общие ценностные ориентиры, чтобы идти навстречу друг другу. Что же касается субъективистско-волонтаристского подхода в истории, то он возводит между учеными двух стран Китайскую стену. Схема, по которой он реализуется, такова: в угоду политикам или по их заказу историки обосновывают и абсолютизируют определенную идею (например, идею национализма), подгоняют под нее факты (особенно любят вытаскивать из “темных” уголков прошлого сомнительные или подозрительные для России) и на этой основе строят свои подстрекательские концептуальные версии.

Получается весьма односторонняя, но идеологически и политически центрированная подача исторической фактичности. Скажем, в контексте гиперболизированной этноидеи эта фактичность выглядит так, будто в истории Украины преобладала тенденция на отдаление от России, а не на сближение с ней, а тот же Мазепа, мол, только то и знал, что всю жизнь носил эту идею в своей голове. В русле обожествленной и чрезмерно преувеличенной идеи национального освобождения оправдывается такое позорное с

точки зрения всех международных нравственных норм явление, как фашистский коллаборационизм (особенно в Западной Украине, где на примерном отношении к коллаборационизму и коллаборационистам даже воспринимается молодое поколение). В положительном свете выставляется и интервенционистская армия Карла XII (см.: [Шестаков, 2007]), а поражение под Полтавой шведов и мазепинцев оплакивается. Так субъективные идеалисты-доктринеры переписывают историю, принимая одну ее часть и отбрасывая или уводя в “тень”, замалчивая — другую.

Академик П. Толочко писал в этой связи: “Украина имеет непростую историю. Можно сказать — даже разные истории. Ту, которая была общей с Россией и Белоруссией, и ту, которая является общей с рядом западных стран — Польшей, Литвой, Австро-Венгрией, Румынией. Так вот, если первая в новейших исторических работах, в том числе и в учебниках, представляется как непрерывная цепь страданий несчастных украинцев, как своеобразная черная дыра и пропащее время, то вторая излагается вполне сочувственно, как приемлемая альтернатива. Все в этой истории было лучше. В составе Польской империи Украина являлась чуть ли не равноправным учредителем Речи Посполитой. В либеральной Австро-Венгерской империи тоже чувствовала себя достаточно комфортно. Не испытывала такого гнета, какой имел место в “гюрьме народов” России, ни в социально-экономическом, ни в национально-культурном отношении.

И по существу ничего о том, что украинцы в этих государственных образованиях были людьми второго сорта, что ни в одном из них не получили такого доступа к государственному управлению, какой имели их соплеменники в России, что польские “либералы” посредством Брестской унии отняли у них веру отцов и дедов, навязали католицизм, а австро-венгерские — заключали их в концентрационные лагеря Терезино и Таллергоф. Если так хорошо было украинцам в названных странах, тогда чем объяснить, что они постоянно стремились их покинуть? Отчего тогда Богдан Хмельницкий увел Украину из польского “рая” в российский “ад”, а миллионы западноукраинцев бежали из либеральной Австро-Венгрии аж за океан?” [Толочко, 2008].

В этой цитате показано, как “новые” историки, выступая в качестве прокуроров и судей истории, препарируют исторический контекст, применяя “прополочный” метод посредством выпячивания одних фактов, событий или оценок и умалчивания о других. Это — прямое нарушение научной методологии ретроспективного познания, требующей от ученого объективной ориентации на всю совокупность обнаруженной фактичности, а не на отдельные, конъюнктурно выгодные ее фрагменты. Но если даже, исходя из задач исследования, нужно изучать только отдельные фрагменты прошлого, то все равно их следует изображать на фоне общей картины этого прошлого (разумеется, при условии, что такая картина имеется в науке). Без соблюдения этого требования данные фрагменты не будут правильно поняты.

Нарушение методологии ретроспективного познания вызывает ряд негативных следствий. Происходит прежде всего совмещение контекстов познания — настоящего и прошлого, когда “препараты” рисуют минувшее в таком соотношении и в таком свете, в каком им хочется, чтобы его видели с позиции контекста сегодняшнего. В результате имеет место незаметный перенос оценочных характеристик из контекста нынешнего в контекст прошлого и накладывание их на реалии того времени. Вследствие этого неиз-

бежно деформируется механизм адекватного циркулирования информации между прошлым и настоящим (как и наоборот), извращается картина прошлого. Так в общем формируется исторический обман.

Методология же ретроспективного познания требует строго различать контексты, а также способы объяснения и оценивания, соответствующие им. Одно дело — контекст исторический, другое — контекст сегодняшний. В первом все связано с тем, что произошли и угасли (исчезли) определенные события. Они имели своих исполнителей, свои причины и поводы. В этом же контексте фиксированы и “следы”, “знаки”, “свидетельства” исчезнувших реалий, которые в контексте настоящего берутся в качестве бывшей фактичности. Вполне естественно, что объяснить эти реалии можно только в их собственном контексте, то есть в контексте прошлого. Возможны как каузальное, так и телеологическое объяснение. И достоверная оценка событий тоже возможна, но опять-таки в границах контекста и на основе его свидетельств и понятий.

Что же касается контекста сегодняшнего, то он является совершенно иным по содержанию и возможностям познавательного потенциала. Конечно, в этом культурно-смысловом контексте находится сам исследователь прошлого, который имеет определенные преимущества перед прошлым, поскольку существует в более высоком, продвинутом времени и пространстве и может смотреть на прошлое с этой критериальной позиции. С этой высоты ему видна историческая ограниченность прошлого, но он не может объяснить само прошлое как исчезнувшую реальность. Теперь уже следует говорить о преимуществе прошлого перед настоящим, которое в том и состоит, что прошлое не объясняется настоящим: последнее не вырабатывает собственных свидетельств о прошлом, следовательно, не может подтверждать его бывшую фактичность. Оно способно использовать только прошлые свидетельства о прошлом.

Наоборот, настоящее объясняется прошлым. И все же исходя из контекста настоящего прошлое можно оценить с целью извлечь те уроки, которые люди могут извлекать из опыта своих предшественников и предков. Второй вид оценки прошлого в контексте настоящего можно получить на основе видения (оценок) событий их же участниками, наблюдателями, и наконец — современниками через интерпретацию с современной точки зрения. Оценки могут быть обобщены или типологизированы, но, конечно, будут подведены под общий тезис, выражающий позицию современного исследователя, его времени.

С контекстами изучения прошлого тесно связано применение метода реконструкции, без которого ретроспективное познание невозможно. Реконструируется прошлое через его же контекст, но исходя из интереса настоящего, через технологические возможности самого метода. Исследователь должен четко учитывать механизм связи прошлого и настоящего, циркулирование информации от первого ко второму. Этот механизм содержит прямую связь, по каналам которой возможна реконструкция: 1) посредством оставленных прошлым “следов”; 2) через генетическую преемственность (появление более высокого на основе более низкого); 3) через удержание в настоящем прошлых, менее развитых общественных свойств, качеств, отношений, а также через их превращенные формы (трансформированные “остатки прошлого” в современном).

Суть метода реконструкции состоит в воспроизведении прошлого на основе его бывшей фактичности. Необходимо либо вещественно воссоздать прошлое как материальную историческую реальность (археология), либо теоретически описать как событийную реальность (история), либо создать его (прошлого) социальный портрет (социология). Как видим, результаты применения метода реконструкции зависят от науки, которая имеет с ним дело. Например, археология “работает” с вещественными свидетельствами прошлого, очень часто даже с его памятниками. Если археолог откопал, скажем, черепки разбитой вазы и склеил их, восстановив целостную форму этого древнего хозяйственного предмета, то это означает, что он реконструировал определенный фрагмент исторической материальной реальности. Здесь метод реконструкции применен напрямую и в буквальном смысле слова.

Однако в социальном познании метод реконструкции применим условно. Если историк в каком-то архиве нашел ноты и слова давно забытой песни, которую, разумеется, никто не поет, и ее запела (с целью хотя бы демонстрации песенного искусства предков) народная артистка Украины, то в этом случае прошлая духовно-песенная реальность не воспроизводится. Происходит не реконструкция ее, а имитация: артистка своим пением создает новую реальность как подмену (подставку) утраченной прошлой реальности, которую создавали предки пением данной песни. И все же это тоже следует считать процедурой применения метода реконструкции, несмотря на то, что ушедшая реальность не восстанавливается. Создается только ее идеальный “двойник”, заменитель, имитационная модель. И все же по этим образованиям может условно угадываться невозвратимая реальность прошлого.

В социологии, как и в истории, применение метода реконструкции также имеет условный характер. Прошлая социальная реальность не воспроизводится, она, как уже отмечалось, исчезла навсегда вместе со своими производителями-актерами. В настоящем и современном она может быть реконструирована как имитация: игра, образ, условность, портрет, воспоминание.

Технологические правила ретроспективного познания

Постулат, утверждающий, что социальная реальность прошлого не воспроизводится в социальной реальности настоящего и будущего, порождает сложные гносеологические и методологические проблемы ретроспективного познания в социологии. Первая из них — как возможна историческая преемственность между обществами, если социальная связь между прошлым и настоящим прерывается, а если она и существует, то каким образом? В целом это гносеологическая проблема сравнения (взвешивания) социально разнокачественных эпох — прошлой, которую создали одни люди, и современной, которую создают и движут совершенно другие люди. Как их сравнивать? Традиционно сравнивают прошлое и настоящее по каким-то общим количественным показателям, ориентированным на представление о прямой преемственной связи между прошлым и настоящим: больше или меньше произведено, потреблено, продано, перевезено, добыто и т.д., и т.п. Увы, такой способ сравнения не применим к социальной реальности, и не только потому, что ее не может быть больше или меньше, причем ни в прошлом, ни в настоящем.

Социальная реальность прошлого — особое качество общества и человека, социальная реальность настоящего — тоже особое качество нового общества и нового человека. Первое не переходит на второе и во второе, между ними — перерыв последовательности, обусловленный тем, что новые акторы своей статусной интеракцией создают “свою” и для себя социальную реальность. И все-таки определенная условная преемственность между этими несоединимыми и несопоставимыми качествами возможна, и существует она в условиях имитации прошлого. (Давно исчезло в истории украинское казачество, но поддержать “связь” с ним пытаются современные “шароварные казаки” путем имитации некоторых сторон его бытия и поведения, то есть по сути через игру в казачество). Игра в прошлое, даже если она происходит на театральной сцене, есть, таким образом, имитация условной связи с ним.

В свое время Флориан Знанецкий, развивая свою социологию, предложил понятие гуманистического коэффициента, относящегося, по его словам, “к композиции и структуре культурных систем” и позволяющего выяснить значимость любого элемента социальной системы для создавших ее людей через учет их опыта и ценностей. Коэффициент применим в целях отграничения не только социальной системы от природной, но и современной социальной системы от прошлой. В этом плане его можно определить как отношение между уровнями ценностного опыта исторически высшей и низшей социальных систем, вследствие которого признается статусная самостоятельность (на шкале отношения) и структурно-композиционная самодостаточность (уникальность) нижестоящей системы (эпохи). Эта система (эпоха) выступает как самоценность для ее создателей, а не для кого-то другого, пусть и в будущем. Ценностью же или антиценностью ее может признать для себя более высокая эпоха исключительно с собственной точки зрения, но это признание для самого прошлого, разумеется, не имеет никакого значения.

Из определения гуманистического коэффициента как отношения между ценностными уровнями двух иерархически расположенных эпох вытекает общеметодологический, причем тоже гуманистического толка, вывод: в познании исторически более высокая социальная система (эпоха) не может выступать абсолютным критерием (а тем более судьей или прокурором) системы предшествующей, поскольку последняя самозначима, самоценна и самодостаточна. В признании этого и состоит гуманизм познавательного отношения в ретроспективном видении реалий прошлого, которое само себя когда-то было вправе как оправдывать, так и осуждать. Подчеркну: этот вывод касается познания, но не политики и идеологии, которые более высокую эпоху могут выставлять в качестве абсолютного критерия более низкой.

Коэффициент Знанецкого включает в себе еще одно отношение — имитированной социальной реальности настоящего к реальности прошлой эпохи. С этой стороны он представляет собой коэффициент имитации, согласно которому: чем искуснее осуществляется имитация прошлого, тем “ближе” к нему оказывается настоящее, тем более оно похоже на прошлое, тем уже разрыв между ушедшим и настоящим. Итак, социальное настоящее не повторяет социальное прошлое, а только имитирует его (подражает ему). Имитация создает новую, “свою” реальность, которая по отношению к ушедшей реальности является условной. Однако в ней угадывается эта ушедшая реальность, благодаря чему в сознании людей формируется вир-

туальное видение прошлого. Возникает целый мир представлений, имитирующий прошлое, хотя люди убеждены, что этот мир прямо отображает прошлое. Как правило, в этом отображении они видят свою связь с прошлым. Только ретроспективное познание может помочь им избавиться от этой иллюзии.

Теперь можно сформулировать некоторые технологические правила ретроспективного познания, опирающиеся на понятия “бывшая фактичность” и “имитация”. Первое правило: необходимо различать то, что в прошлом познаваемо и что непознаваемо. Познаваемо все то, что представлено как бывшая фактичность. Второе правило: все в прошлом, что познаваемо, составляет объект ретроспективного познания, но к нему невозможен подход как к эмпирическому объекту. Такой ретроспективный объект познается не через чувственное отражение, а через маркировку, являясь подставкой исторического объекта. Третье правило: прошлое не объясняется с позиции настоящего, а только из самого себя, своего собственного контекста. Оценка же прошлого возможна и с позиции настоящего. Четвертое правило: нельзя смешивать контексты познания прошлого — исторический и современный, строго различая познавательный потенциал каждого из них. Пятое правило: должно четко различать значимость прошлого для самого себя и для настоящего (урок, который извлекает из прошлого настоящее). Этот урок не должен подвергать прошлое идеологизации и политизации, подводить его под сегодняшнее право, подаваться как упрек прошлому или осуждение его. Прошлое не есть преступление, хотя в истории было и немало преступлений, совершенных по меркам именно тех времен, когда они совершались и в пределах которых остались преступлениями. Не накладывается на прошлое и так называемая общечеловеческая мораль, если известно, что оно не действовало по ее нормам.

Наконец, шестое правило: социолог, занимающийся ретроспективным познанием, должен владеть способностями имитатора. Здесь следует указать на то, что предусмотрено гуманистическим коэффициентом Знаниецкого: умение поставить себя на место другого, в частности исторического лица, и симитировать его деятельность, жизнь, мысли, связи, отношения. Все это нужно для создания социологического портрета того мира. Понятно, что в этом деле социологу может помочь развитое воображение, которым он должен искусно владеть как инструментом познания. Наверное, чем богаче и мощнее воображение у исследователя, тем более полным, детализированным и правдивым получится портрет.

Имитационная связь между настоящим и прошлым играет некоторую роль и в познании социологией самой себя через изучение своего прошлого, то есть в истории социологии. Последняя всегда является в определенной мере симитированным продуктом познавательной деятельности социолога-историка, а если она наполняется еще и творимыми им мифами, то и мифологизированным продуктом. Как особый вид ретроспективного познания история социологии предполагает постоянное воспроизведение прошлого социологии и удержание его в ее настоящем, прежде всего в самосознании, научном интеллекте. Дело в том, что социология развивается не только за счет изучения новых форм социальной реальности, умножения идей, специальных своих отраслей и т.п., но и за счет постоянного самоизучения, самоосознания себя с позиции все новых и новых интеллектуальных

достижений. В этой связи прошлое социологии выступает как особая форма ее настоящего, проникающая посредством различных интерпретаций в суперсовременные теоретические построения. Это представляет собой также особый канал трансляции и трансформации интеллектуального опыта.

И еще одну особенность истории социологии как формы ретроспективного познания следует отметить. Это — многомерный, синтетический ее взгляд на прошлое, в свете которого последнее содержит в себе историю идей, теорий, учений, индивидуальные истории жизни и творчества их авторов, историю становления социологии как науки, историю смены ушедшей в небытие социальной реальности, отраженной в идеях, теориях, учениях, которые, в отличие от исчезнувшей реальности, остались в наличии и подвергаются раскодированию и интерпретации. Ясно, что все это содержание своего прошлого социология может обзирать с позиции более развитой концепции самой себя.

Итак, ретроспективное познание в социологии — весьма сложный процесс изучения, воспроизведения и толкования социального прошлого. Оно остается до сих пор должным образом не развитым. Сегодня редко какой социолог возьмется за создание социологического портрета прошлого (исторического лица, события или института). Поэтому объект социологии обращен исключительно в сторону настоящего и современного, он выглядит словно разрубленный, от него отсечена ретроспективная часть, которая социологически почти не изучается. По-видимому, требуется разработка теории ретроспективного познания и обеспечения соответствующей специализации, то есть подготовки не только историков социологии, но и исторических социологов (специалистов в области исторической социологии, социологии истории).

Литература

- Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. — К., 2002.
- Боряз В.Н.* Категории “история” и “современность” и их методологическое значение // Категории исторических наук : Сборник статей. — Л., 1988. — С. 11–13.
- Зиммель Г.* Проблема социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX века / Под ред. В.И.Добренкова. — М., 1996.
- Кульчицкий С.* Историчні компроміси // Известия в Украине. — 2009. — № 33/762. — 27 февраля.
- Логика социологического исследования. — М., 1987.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. / 2-е изд. — Т. 2.
- Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. — М., 1982.
- Танатова Д.К.* Антропологический подход в социологии. — М., 2004.
- Толочко П.* История в украинских школах и вузах // “2000”. — 2008. — № 44. — 31 октября–6 ноября.
- Шестаков В.* Как шведы украинцам независимость несли // “2000”. — 2007. — № 47. — 23–29 ноября.
- Чубайс И.* Зачем Москве Комиссия против фальсификации истории. Субъективные заметки // День. — 2009. — № 93. — 4 июня.